

ПОЛИТЕХ
РАЗНЫЕ ЛЮДИ
НОВЫЙ МУЗЕЙ

Как вовлечь людей с инвалидностью в работу культурной институции

Опыт Политехнического музея

ФОНД
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

Оглавление

- 4 Введение
- 6 Зачем современному музею Совет по доступности
- 10 Экскурсии для людей с ментальной инвалидностью
- 12 Гайдлайны по доступности. Кому они нужны и как ими пользоваться
- 16 Готовы ли к инклюзии музеи в регионах. Где мы были и что узнали
- 20 Зачем объяснять сотрудникам и волонтерам музея, что такое социальная модель инвалидности
- 22 Школа глухих экскурсоводов — чему мы научили и чему научились
- 24 Как мы взяли на работу девять человек с инвалидностью
- 28 Зачем нам переводчик русского жестового языка и как провести экскурсию для глухих и слабослышащих
- 32 Почему модерировать дискуссию о доступности должен человек на инвалидной коляске
- 40 Как мы собирали «Истории, которых не было», и что из этого вышло
- 46 Как мы устроили «Хаос в хорошем смысле»
- 48 Экскурсии для незрячих людей, или где граница между сотрудником музея и волонтером

Введение

Когда эта методичка выйдет в свет, программе Фонда развития Политехнического музея «Разные люди — новый музей» исполнится ровно год. Это крошечный срок по меркам любой современной культурной институции, но за это время мы успели набить столько шишек и столько раз порадоваться нашим успехам, что хотели бы поделиться опытом с людьми, которые пойдут по нашим стопам, и которых, к нашей радости, в России становится всё больше.

Мы придумали эту программу, потому что видели, как сильно меняется современный музей, как трансформируется его роль. На первый план выходят не коллекции музеев сами по себе, а те дискуссии, которые рождаются вокруг них. Не вещи и древности, а то чувство сопричастности к культуре, истории, науке, которое испытывают люди. Не культовые здания, а те голоса и мнения, которые звучат в их стенах.

Программой «Разные люди — новый музей» мы хотели показать, что всё это в равной степени относится и к людям с инвалидностью, что они могут быть важными участниками социокультурного процесса, а не опекаемой группой, которая получает культуру по остаточному принципу или из жалости.

За этот год с нами случилось много интересного — мы сделали выставку о жизни людей с инвалидностью в большом городе, трудоустроили девять человек с инвалидностью в Политехнический музей, создали Совет по доступности, разработали гайдлайны по доступности для музеев и галерей, встречались, обсуждали инклюзию и исключённость, спорили, ездили по разным городам России, чтобы говорить с сотрудниками культурных институций о том, почему современный музей должен быть доступным и открытым. Где бы мы ни оказывались и что бы ни затевали, мы везде повторяли мантру: своим проектом мы не делаем никому одолжение, это не акт благотворительности, так мы понимаем наш вклад в общественное благо, в построение свободного и справедливого

общества, свой долг. Инвалидность — это не персональная трагедия человека, это несовершенство общества. Если человек на инвалидной коляске не приходит в наш музей, это не его личная проблема, не проблема его диагноза, это проблема нашего музея, а значит, и нашего города, и в конечном счёте — наша общая проблема.

Нам кажется очень важным, что проблема доступности — среды, культуры, институций — так громко стала обсуждаться именно в музеях. Это ещё раз доказывает необычайно значимую новую роль музея: музея как агента социальных изменений.

Вера Шенгелия,
заместитель генерального
директора по работе с посетителями
Политехнического музея

Зачем современному музею Совет по доступности

Вера Шенгелия,
заместитель генерального директора по работе
с посетителями Политехнического музея

Насколько я знаю, Политех — единственный музей в России, у которого есть такой необычный совещательный и абсолютно публичный орган, как Совет по доступности. Когда мы его задумывали, у нас была понятная простая идея, которая пронизывает все наши программы в сфере инклюзии: мы хотим вовлечь людей с инвалидностью во всё, что мы делаем. Мы часто повторяем, что старый активистский слоган «Ничего для нас без нас» чрезвычайно важен для нашей команды. И мы меньше всего хотели оказаться музеем, который лучше, чем люди с инвалидностью, знает, что именно им нужно, какие проекты им интересны, и вообще, что для них удобно и понятно.

Так что одна наша цель — дать возможность людям с инвалидностью самим участвовать в работе, которая призвана сделать их пребывание в нашем музее комфортным. Вторая наша цель была связана с мечтой о горизонтальной инклюзии: когда идеи о доступной среде проповедует не только отдел по инклюзии, но и разделяют все сотрудники, вне зависимости от должности и области деятельности, когда инклюзивные ценности и принципы органично вплетены во всё, что делает музей.

Как мы придумали Совет

Из этих двух предпосылок появилась идея создания Совета по доступности. Мы понимали, что этот процесс можно организовать и по-другому: даже если инклюзией занимается только один менеджер в компании, вполне реально обращаться к экспертам, специалистам и людям с инвалидностью за советом — тогда, когда он нужен. И так можно решить задачу по вовлечению в свою деятельность людей с инвалидностью. Но таким образом у нас бы никогда не получилось реализовать вторую идею: сделать так, чтобы все люди в музее понимали важность инклюзивного подхода.

Поэтому мы и начали создавать Совет по доступности, у которого есть только совещательный голос при принятии решений, но который, по новым регламентам музея, вовлечён во все происходящие у нас процессы. Что бы мы ни делали — готовили образовательную программу или выставку, проектировали лестницу или туалет — мы всегда привлекаем к работе наш Совет по доступности. Иногда мы консультируемся со всем Советом, иногда с его частью, иногда зовём только одного человека: чтобы помочь выбрать оптимальное решение не с точки зрения программного менеджера, архитектора или проектировщика, а с точки зрения людей, которые и будут пользоваться нашим продуктом.

Сначала это был немного странный орган, не все понимали, когда надо к нему обращаться. Но теперь мы видим, как этот процесс нормализовался, консультации с Советом стали для музея обычной и понятной практикой. Например, сейчас мы перезапускаем сайт Политеха. Первое, что говорят наши разработчики и IT-отдел: мы сделали прототип и хотим показать его Совету по доступности. Тогда приходит Алексей Любимов — незрячий мужчина, который входит в Совет. Он проводит с разработчиками два часа: рассказывает, что у них вышло удобно, а что не очень, показывает, как у него получается пользоваться сайтом, какие функции остались для него недоступны, а какие в принципе доступны, но чрезвычайно неудобны, советует, что и как можно улучшить. И теперь мы можем быть уверены, что наш сайт отвечает требованиям самых разных людей.

Члены Совета по доступности и сотрудники Политеха на ежеквартальной встрече в рамках проекта «Разные люди - новый музей»

Как мы набирали Совет

При наборе участников Совета мы руководствовались двумя подходами. Безусловно, все эти люди должны были быть носителями той или иной формы инвалидности, но кроме того, для нас была важна активная гражданская и жизненная позиция потенциальных участников. Поэтому почти все члены нашего Совета публично представляют свою группу и активно борются за её интересы.

На шесть мест в Совете мы позвали людей, с которыми уже работали и которыми восхищались. Так в нашем Совете по доступности оказалась Елена Леонтьева. Она вообще-то живёт в Екатеринбурге, но мы зачитывались её книжкой «Доступная среда глазами инвалида». Эта книга очень человечно и понятно написана, в ней объясняется, как те или иные проектировочные решения влияют на жизнь человека с инвалидностью: например, почему дверь должна быть не уже определённой ширины, а зеркало необходимо вешать именно на такой высоте. С Викторией Салий-Берлизовой мы уже делали экскурсии на русском жестовом языке (далее — РЖЯ) для глухих и слабослышащих школьников и успели подружиться. С Иваном Бакаидовым мы не были знакомы и не сотрудничали раньше, но видели, как активно он выступает за права людей с детским церебральным параличом (далее — ДЦП). Мы знали про его программу синтеза речи LINKa, которая позволяет с помощью движения глаз управлять компьютерным обеспечением. Иван согласился вступить в наш Совет, и это ужасно здорово. Недавно мы запустили вместе с ним флешмоб «А я всегда дома», чтобы во время режима самоизоляции привлечь внимание к проблемам людей с инвалидностью, у которых зачастую вообще не бывает возможности выйти из дома.

Ещё шесть мест мы распределили «по конкурсу»: объявили open call, написали в соцсетях и на сайте Политеха, что создаём такой Совет и приглашаем к сотрудничеству людей с активной жизненной позицией, с инвалидностью и интересом к такого рода деятельности.

Так мы познакомились с замечательной Антониной Стейнберг, которая занимается правами людей с синдромом Аспергера и аутизмом. Она была первой, кто организовал группу поддержки и общения для людей с высокофункциональным аутизмом. Таким же образом в Совет вошла Евгения Малышко, представитель АНО «Белая трость», которая не только разработала и провела в Политехе серию экскурсий для незрячих, но и помогла доработать тренинг по пониманию социальной модели инвалидности для сотрудников и волонтеров музея.

Как мы оцениваем работу Совета

Совет работает почти год, и мы уже точно можем сказать, что именно он даёт музею в смысле практической пользы. Во-первых, огромное количество

уже принятых решений нам пришлось отыграть назад. Основное здание Политеха сейчас находится на реконструкции, и члены Совета помогли исправить довольно много ошибочных проектировочных решений и планов, касающихся доступной среды. Кроме того, Совет помогал правильно организовывать текущие мероприятия, и они, безусловно, сильно от этого выиграли. Например, мы делали выставку «Истории, которых не было». Это совсем маленькая выставка, но она сделана с позиций универсального дизайна и доступна посетителям с разными формами инвалидности. Мы активно вовлекали Совет в подготовку экспозиции и, по-моему, у нас получился образец универсальной выставки.

Но самое главное — у нас получилось сделать так, чтобы весь музей привык к Совету, поверил в него и признал его необходимость. Нам удалось воплотить в жизнь идею о том, что если хочешь сделать для кого-то удобно — сделай это вместе с ним, не надо придумывать за людей. Культурный, социокультурный процесс может создаваться вместе с людьми с инвалидностью, а не только для них — и кажется, у нас это получается.

Вера Шенгелия и члены Совета по доступности Мария Генделева и Алексей Любимов на первой встрече Совета

Экскурсии для людей с ментальной инвалидностью. О чём мы подумали, а о чём — нет

Катрин Ненашева,
специалист по вовлечению

В начале 2020 года, перед закрытием экспозиции Политехнического музея «Россия делает сама» в 26-м павильоне ВДНХ, мы решили провести по ней серию экскурсий для людей с разными формами инвалидности. В экскурсиях участвовали люди с ментальными особенностями (в основном жители психоневрологических интернатов (далее — ПНИ) и молодые люди с аутизмом), незрячие и слабовидящие дети и взрослые, глухие и слабослышащие дети и подростки. Нам хотелось понять, как за короткие сроки можно адаптировать материал научного музея для людей разного возраста с различными особенностями. К работе мы привлекли самих людей с инвалидностью — членов Совета по доступности Политеха, которые участвовали как в создании экскурсий, так и в их проведении.

Как для себя и своих друзей

К этому моменту в экспозиции работала лишь небольшая часть интерактивных инсталляций, а тактильные модели остались всего на паре основных объектов экспозиции. Мы решили проводить экскурсии как для себя или своих друзей, стараясь не бояться быть собой. За месяц мы провели 10 экскурсий для людей из ПНИ и подопечных нескольких благотворительных организаций. В группах было от 5 до 15 человек разного возраста, с разными особенностями. Когда приезжали группы из ПНИ, не было смысла гадать, кто к нам приедет: в ПНИ даже в одних комнатах живут люди разного возраста и с разными заболеваниями. Выход был один — адаптировать материал экскурсий, внести в них как можно больше интерактивных элементов и говорить простыми словами.

В начале экскурсии мы знакомились друг с другом и демонстрировали группе карточки с изображением основных экспонатов (по типу карточек PECS), которые позволяли посетителям понять, о чём будет экспозиция и каковы её

основные точки и темы. Адаптируя материал для экскурсии, мы старались выбирать простые объяснения и приводить как можно больше примеров из жизни, использовать доступные средства для демонстрации тех или иных физических явлений. Я руководствовалась идеей, что делаю экскурсию для своих друзей. Все они — люди из гуманитарной сферы, художники, активисты, далёкие от мира науки. Эта мысль помогала немного снизить тревожность, однако не добавляла уверенности в себе как в экскурсоводе.

Главное — общение

Моя первая экскурсия была для жителей ПНИ: огромная группа людей разного возраста. И это была, скорее всего, худшая экскурсия в истории. Я почти не думала о контакте с людьми, была неэмоциональной, сильно нервничала и больше всего боялась, что не смогу донести до посетителей необходимую информацию, что они ничего не поймут и разочаруются. Я была зациклена на этом. Это и помешало мне сконцентрировать внимание людей на нашем общем экскурсионном процессе, на том, что происходит здесь и сейчас, — я и сама была сконцентрирована не на нём. В какой-то момент я поняла свою главную ошибку: я совсем забыла, что поход в музей — это в первую очередь новые знакомства, новые эмоции и переживания. Главное — не экспонаты и информация, а люди — с их реакциями, шутками, стилем одежды, удивлениями и несогласиями. Эта мысль помогла мне избавиться от тревожности и почувствовать себя не экскурсоводом для людей с ментальными особенностями, а самой собой. Я больше не концентрировалась на передаче материала и страхе, что меня не поймут. Я просто общалась и рассказывала истории.

Эти экскурсии натолкнули меня на размышления о посетительском опыте, его социальном и психологическом аспекте. Какие идеи можно вкладывать в этот опыт, будучи сотрудником музея? Что происходит с нами как с посетителями, когда мы готовимся к походу в музей, и что остаётся в наших воспоминаниях после? Что вообще мы вкладываем в процесс коммуникации с разными людьми и как смена наших состояний и ожиданий влияет на сам посетительский опыт? Эти вопросы кажется важным обсудить с коллегами из разных институций, и я очень надеюсь, что мы придём к этому в рамках нашей программы «Разные люди — новый музей». А пока главный вывод, который я сделала после этих экскурсий, — не бояться быть собой. И кажется, что в работе с инклюзией это одно из самых важных умений.

Обзорная экскурсия по экспозиции Политеха «Россия делает сама» для участников проекта «Лучшие друзья» на ВДНХ

Гайдлайны по доступности. Кому они нужны и как ими пользоваться

Полина Чубарь,
менеджер по пользовательскому опыту

Политехнический музей придерживается социальной модели понимания инвалидности, принятой во многих странах мира. Она предполагает, что полноценному участию человека с инвалидностью в социальной жизни мешает не его диагноз, возраст или физическое состояние, а недоступность среды, институтов и сервисов — то есть внешние барьеры.

Чтобы музей в своей архитектуре и программах придерживался социальной модели инвалидности, необходимо все инклюзивные наработки постепенно оформлять в собственный экспертный опыт. Информация от Совета по доступности и внешних экспертов, опыт реализации инклюзивных проектов и программ, результаты исследований и опросов — всё это должно непременно фиксироваться в документах. На их основе можно разрабатывать рекомендации, которые распространяются на все внутренние процессы, и музей может лучше выстраивать горизонтальную инклюзию, а также снижать количество и сложность барьеров для посетителей.

Основания и ориентиры

В 2012 году Россия ратифицировала Конвенцию о правах инвалидов, и с этого момента культурные институции стали уделять всё больше внимания созданию доступной среды. Сегодня российские музеи ориентируются на два свода правил (59.13330.2012 «Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения» и его обновлённую версию 59.13330.2016), ряд ГОСТов и приказов Министерства культуры об обеспечении доступной среды.

В 2019 году при поддержке Фонда президентских грантов в Политехническом музее появился документ под названием «Рекомендации по организации доступной среды в Политехническом музее». В этом документе мы учли и постепенно накапливаемый опыт внутри институции, и международный музейный

опыт, и российские нормативные требования. Поскольку опыт музея и нормативно-правовая база по вопросам доступности постепенно обновляются, «Рекомендации» также будут дополняться и совершенствоваться.

За образец «Рекомендаций» были взяты гайдлайны Смитсоновского института — Smithsonian Guidelines for Accessible Exhibition Design. Этот текст является образцовым и, пожалуй, самым подробным среди подобных документов о доступности в мировой музейной практике. Его первая версия появилась в 1996 году, и он постоянно обновляется. Собственно, наши «Рекомендации» являются адаптацией этого стандарта к российскому контексту.

Ценность «Рекомендаций» в том, что они детально описывают, каким образом должно строиться инклюзивное музейное пространство. Мы объясняем, почему дверь должна быть определённой конструкции, или как именно необходимо разместить выставочные элементы, чтобы соблюсти безопасность и посетителей (в том числе незрячих), и экспонатов. Это своего рода попытка сформировать понимание, чем обусловлена и почему так важна та или иная мера обеспечения доступности. Для наглядности рекомендаций разделы сопровождаются примерами и иллюстрациями.

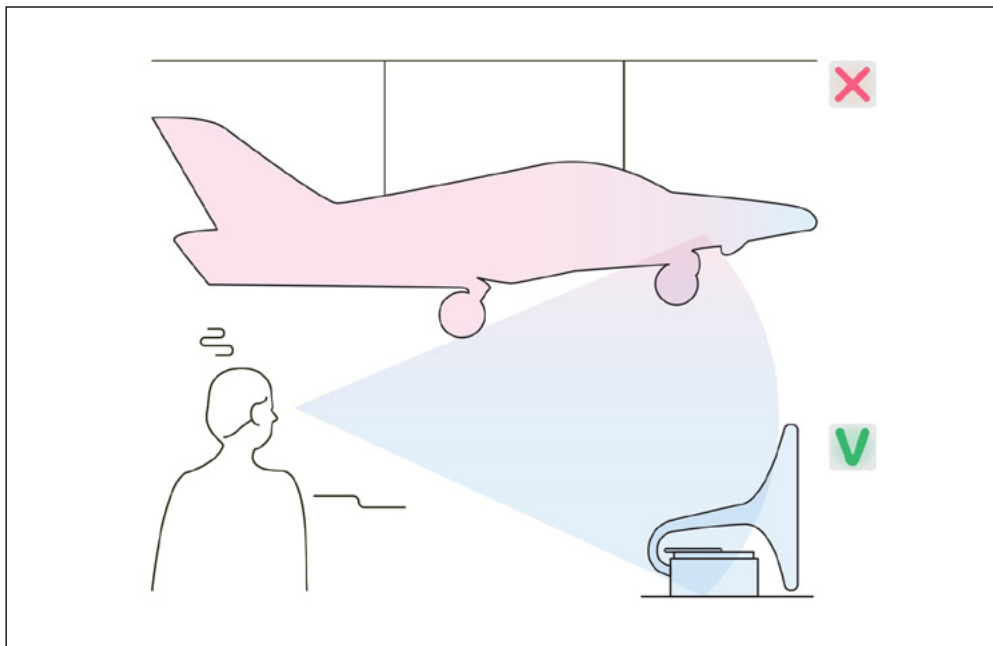
Инструкция по применению инструкции

Наше руководство состоит из глав, посвящённых разным зонам и элементам доступной среды: как целым локациям — выставочным пространствам, сервисным зонам, туалетам, так и отдельным их элементам, вроде перепадов высот, покрытий и др. Оно в первую очередь направлено на создание физической доступности в музее, что особенно важно для Политеха в момент реконструкции и реставрации.

Архитектурная доступность — важное, почти базовое условие для инклюзии, но не единственное. Ведь кроме физических, существуют ещё и сенсорные, интеллектуальные, культурные и социально-психологические аспекты. Продумывая архитектуру, важно не забывать и о них: там, где невозможно осуществить стопроцентную доступность, на помощь может прийти информирование или сопровождение посетителя тактичными и доброжелательными сотрудниками. Именно поэтому гайдлайны имеют рекомендательный характер — в силу разных обстоятельств оптимальные решения можно найти не всегда, но почти всегда можно сгладить сложные моменты.

Само наличие «Рекомендаций» существенно сокращает количество обращений к Совету по доступности и другим экспертам для консультаций и проверки решений, поскольку готовые знания находятся у каждого сотрудника под рукой. Но несмотря на то, что наши рекомендации уже проверены опытом и временем, в сложных случаях для консультирования, тестирования и принятия решений всё равно лучше привлекать потенциальных пользователей.

Мы верим, что «Рекомендации» могут способствовать созданию архитектуры, воплощающей принципы равенства, не ущемляющей достоинство людей с инвалидностью, а также незаметной во взаимодействии. «Рекомендации по организации доступной среды» можно найти на сайте raznielyudi.polytech.one.

Одна из иллюстраций Гайдлайнов по доступности — пример комфортного и дискомфортного размещения экспонатов в естественном поле зрения посетителя

Член Совета по доступности Елена Леонтьева на своей лекции «От доступной среды к универсальному дизайну», организованной Политехом

Готовы ли к инклюзии музеи в регионах. Где мы были и что узнали

Вера Шенгелия,
заместитель генерального директора по работе
с посетителями Политехнического музея

В самом начале, когда мы только придумывали инклюзивную программу и писали заявку на грант «Разные люди — новый музей», мы точно знали, что хотим сделать тренинг на понимание социальной модели инвалидности и по работе с людьми с инвалидностью. Мы сразу планировали, что будем делать этот тренинг выездным, чтобы он был доступен не только для московских музейных менеджеров, но и в регионах России.

В заявке мы написали, что хотели бы съездить в семь российских городов — Тулу, Екатеринбург, Пермь, Красноярск, Томск, Находку и Владивосток. Мы выбрали города таким образом, чтобы они более или менее плавно покрыли всю страну. Кроме того, мы в первую очередь рассматривали города, где у нас были партнёрские отношения с учреждениями культуры, где есть музеи, которым это будет интересно. Пандемия внесла свои коррективы в наши планы, и мы успели съездить только в Тулу, Екатеринбург и Пермь, но даже три поездки дали очень полезный и показательный результат.

Три города

Несмотря на то, что мы всякий раз договариваемся о своём тренинге с конкретным учреждением и проводим занятия в его помещении, мы объявляем наш тренинг открытым и заранее обговариваем это с принимающей стороной. То есть участвовать в тренинге могут представители любых музеев из города и даже области — все, кто захочет туда попасть. И в каждом городе, куда мы приезжали, к нам приходили около 40 участников из самых разных учреждений культуры.

Фундаментальная точка тренинга, вокруг которой выстраивается вся работа — это разбор социальной модели инвалидности. Вместе с участниками мы смотрим, чем она отличается от медицинской модели инвалидности, обсужда-

ем разные ситуации, пытаемся понять, почему во всём мире произошёл переход от одной модели к другой и почему гуманистическая мысль вообще дошла до такого взгляда на инвалидность. Мы много говорим о политкорректной лексике — это очень востребованная тема, она всегда находит отклик у участников. Надо ли говорить «глухонемой» или правильно говорить «глухой»? Почему мы говорим не «даунята», а «дети с синдромом Дауна»? Мы обсуждаем приемлемые слова в теории и оцениваем через призму этой теории реальные тексты из соцсетей или прессы.

Большая часть тренинга — анализ международного инклюзивного опыта, мы много рассказываем о том, как с этой темой работают ведущие музеи и галереи, что они делают для людей с инвалидностью, как они репрезентуют таких посетителей. Это тоже всегда вызывает большой интерес, поскольку мы как будто раздвигаем для участников тренинга рамки возможного, показываем, что бывает не так, как они привыкли. Мы разбираем гайдлайны по доступности Политехнического музея, даём советы, отвечаем на вопросы о том, как можно сделать доступной конкретную среду или абстрактную выставку.

В Тулу мы приехали с Евгенией Малышко, членом нашего Совета по доступности, незрячей девушкой с большим опытом организации экскурсий для зрячих и для незрячих людей. Она тоже участвовала в тренинге и объясняла, что даже самый сложный музей можно изменить и сделать комфортным, понятным и интересным незрячему человеку. Участие Евгении невероятно работает с точки зрения нормализации: одно дело, когда вам рассказывают, что к вам могут прийти слепые посетители, и совсем другое дело, когда перед вами уже стоит очаровательная незрячая девушка. Она объездила полмира, была в огромном количестве музеев, работала в московских культурных институциях и теперь приехала к вам и доказывает, что даже если ваш музей весь состоит из развешанных по стенам картин или из стеклянных боксов, вы всё равно можете сделать так, что незрячим людям будет интересно его посетить.

Проектирование
инклюзивных инициатив.
Пермь, 12.02.2020

Сформированный запрос

Важная часть тренинга, которая занимает добрую часть дня — это разбор практических кейсов, трудностей, с которыми может столкнуться современный музейный менеджер. Обычно мы заранее подготавливаем кейсы, снабжаем их специальной презентацией, делим участников на команды и каждой выдаём один из описанных случаев. Команда разбирает ситуацию, вырабатывает возможное решение описанной проблемы и представляет его другим участникам тренинга. Ситуации, которые мы придумываем, очень разноплановые: например, как быть, если вы сделали маленькую выставку в чердачном помещении вашего музея и туда ведёт крутая лестница? Как вы будете из этой ситуации выкручиваться? Как объяснять людям, что они не могут попасть на выставку? Какой способ вы придумаете, чтобы дать всем желающим возможность как-то образом повзаимодействовать с этой выставкой?

Но в первом же городе, куда мы приехали, — в Туле, мы столкнулись с неожиданной ситуацией. В тренинге участвовало около 40 человек из самых разных мест — из малюсеньких краеведческих музеев, из домов-музеев писателей, галерей, библиотек. И из разговоров с ними мы поняли, что у них полностью сформирован готовый запрос на решение собственных кейсов, а не придуманных нами гипотетических ситуаций. Каждый второй говорил: к нам приходят дети из интерната, а у нас была группа из инклюзивного класса, а у нас было восемь аутичных мальчиков. Что делать? Как удержать их внимание? Как им рассказывать? А что делать, если пришли аутичные дети со своими нейротипичными братьями и сёстрами, — как работать с такой смешанной группой?

Нам с Евгенией Малышко вместо обеденного перерыва пришлось быстро переформатировать тренинг: мы пересобрали его и предложили группам разбирать не наши заготовленные, а предложенные участниками ситуации. В результате работы по группам мы совместными усилиями разработали образовательную траекторию для экскурсии в смешанной группе — для аутичных и неаутичных детей. Мы постарались придумать не конкретную программу, а как бы модель, состоящую из разных модулей, которые можно легко подстраивать под нужды или особенности той или иной экскурсионной группы.

Сотрудничество с некоммерческими организациями

В Екатеринбурге мы пошли ещё дальше. Там мы были с Катрин Ненашевой, которая присоединилась к команде Политеха в начале года. Катрин — художница-акционистка, долго работала в психиатрической больнице с подростками с психическими особенностями, депрессиями и попытками суицида.

Первую часть тренинга мы провели как обычно, а вторую проектную часть мы делали вместе с представителями екатеринбургских некоммерческих организаций (далее — НКО), занимающихся проблемами ЛГБТ-сообщества, мигран-

тов, людей с разными формами инвалидности. Они пришли к нам с реальными кейсами: каждый в течение пяти минут рассказывал о проблеме, с которой сталкивается его НКО. Потом мы делились на команды и придумывали проект, который может помочь в решении той или иной проблемы. Проект должен был быть реализован силами НКО и культурной институции. Как музей декоративного искусства может помочь НКО, которая занимается консультированием женщин, перенесшим или страдающим от рака груди? Или как Ельцин Центр может работать с проблемами мигрантов? Это была очень плодотворная работа — некоторые проекты были сыроваты, некоторые недокручены, но два из шести были совершенно готовы к реализации. Когда мы уезжали из Екатеринбурга, мы точно знали, что, например, Музей декоративного искусства доведёт до конца проект по борьбе с мифами о раке: они познакомились с соответствующей НКО, обменялись контактами, решили, что делать дальше, привлекли Ельцин Центр. Словом, это была не гипотетическая проектная работа, а вполне конкретная и реальная.

В Перми мы делали похожую сессию в Центре городской культуры. Там тоже к нам пришли люди из самых разных музеев, и мы тоже пошли по схеме реакции на конкретный запрос конкретных специалистов. И тут мы увидели, что запросы везде похожие. Судя по всему, в регионах началось то, что уже некоторое время происходит в Москве: дети с инвалидностью и дети из интернатов вышли в школы. Рано говорить про это как про массовый процесс, но очевидно, что движение началось, культурные институции стали чувствовать этот спрос со стороны образовательных учреждений и пытаются научиться его обеспечивать.

Самый приятный вывод

В наших поездках мы поняли, что тот этап, когда ты приезжаешь в другой город и начинаешь уговаривать коллег развивать инклюзию, — мол, такие люди существуют, давайте подумаем, как можно для них работать, — остался в прошлом. Теперь все это понимают. Проблемы, которые они видят перед собой, — конкретные и практические: как принять, как оборудовать среду, что делать, если вы находитесь в старом здании.

Так что самый главный и приятный вывод заключается в том, что представители региональных учреждений культуры готовы работать с людьми с инвалидностью. Вторая часть этого наблюдения связана с тем, что в регионах критически не хватает методической помощи и поддержки, знания конкретных приёмов и методик оценки этой работы.

Так мы поняли, каким должен быть следующий шаг и, наверное, не только Политеха, но и других организаций, которые работают на распространение музейного знания: пора переходить к практическим рекомендациям, к разработке и дизайну образовательных программ.

Зачем объяснять сотрудникам и волонтерам музея, что такое социальная модель инвалидности

Вера Шенгелия,
заместитель генерального директора по работе
с посетителями Политехнического музея

Главная цель программы «Разные люди — новый музей» — вовлечение людей с инвалидностью в социокультурный процесс. Но как сделать так, чтобы они не просто подключались к работе отдела по инклюзии, но реально участвовали в деятельности всего музея? Нам кажется, что для этого необходимо создать открытую атмосферу внутри коллектива, научиться работать и говорить об инклюзии не только с людьми с инвалидностью, но и со своими коллегами. В Политехе сейчас работают 250 человек, а скоро будет 600 или 700. Нам хотелось, чтобы все люди, которые сотрудничают с нами, разделяли бы наши ценности, отношение к инклюзии и понимали её важность.

Вопросы на понимание

Именно так и появился тренинг для сотрудников по пониманию социальной модели инвалидности. Первым делом мы создали интернет-опрос и попросили людей с инвалидностью и родителей детей с инвалидностью ответить на вопросы про их опыт посещения культурных институций: что они испытывают, чего боятся, что им нравится, что не очень. Совершенно неожиданно этот опрос получил серьёзный отклик: на вопросы ответили более 200 человек — в основном это были родители детей с инвалидностью.

Ответы были довольно эмоциональные. Например, 25-летняя девушка с ДЦП написала, что больше всего она переживает, когда стоит в очереди за билетами (особенно если пришла с молодым человеком). Она волнуется, что кто-нибудь заметит её походку и начнёт кричать: «А, инвалидка-инвалидка, пропустите её без очереди». Этот сюжет довольно типичный. На самом деле большинство людей говорили одно и то же: мы хотим нормализации, чтобы к нам относились как к обычным посетителям, не делали из нас ни жертв, ни героев. Именно после опроса мы смогли сформулировать главную идею нашего тренинга: чтобы

его участники выносили с занятий отношение к человеку с инвалидностью как к обычному гражданину, такому же, как и ты сам.

Так что наш тренинг не про то, как общаться с человеком с ментальными особенностями или с человеком с нарушением слуха. Мы считаем, что общаться надо со всеми одинаково — доброжелательно и заинтересованно. Этот тренинг направлен в первую очередь на понимание социальной модели инвалидности. Она пришла на смену сначала медицинской, а потом благотворительной моделям и говорит нам, что барьер, который отделяет человека с инвалидностью от социальных или культурных процессов, находится не в нём самом, не в его диагнозе, а в неготовности организаций, программ или сервисов такого человека принять.

Тренинг для своих

Весь тренинг (а мы умеем проводить его за один-два дня) мы выстроили так, чтобы максимально нормализовать фигуру человека с инвалидностью в культурном процессе. Это многочастный тренинг, который мы разрабатывали и сейчас проводим вместе с членами Совета по доступности и сотрудниками с инвалидностью. Например, наша коллега Наталья Нестерова, слабослышащая девушка из семьи глухих, подготовила историю о нормализации глухого комьюнити.

В ходе тренинга мы изучаем кейсы зарубежных музеев, рассказываем, как во всём мире работают с инклюзией и репрезентацией инвалидов. Мы говорим о политкорректной лексике, разбираем реальные жизненные примеры из СМИ и соцсетей, смотрим, как в разных медиа говорят о людях с инвалидностью. В тренинге есть большой блок проектной работы, когда мы разбиваемся на группы, обсуждаем и разбираем типичные кейсы, а потом решаем, как можно было бы действовать современному музею в описанной ситуации, исходя из социальной модели инвалидности.

Этот тренинг мы проводим для наших сотрудников, волонтеров и работников региональных музеев. Мы планируем, что каждый сотрудник Политеха, — неважно, проводит ли он большую часть времени в бэк-офисе или непосредственно сталкивается в работе с людьми с инвалидностью, — пройдёт этот тренинг. Кроме того, мы уверены, что такой тренинг очень полезен не только сотрудникам культурных институций. Мы были бы рады, если бы сотрудники, к примеру, МФЦ или других традиционно бюрократических институций захотели бы принять участие в нашем тренинге и научиться смотреть на мир и на людей с инвалидностью через оптику социальной модели инвалидности.

Член Совета по доступности
Оксана Осадчая проводит тренинг
по пониманию социальной модели
инвалидности для волонтеров Политеха

Школа глухих экскурсоводов — чему мы научили и чему научились

Иван Карамнов,
менеджер по развитию инклюзивных программ

Вовлечение людей с инвалидностью в рабочие процессы музея — приоритетное направление нашей работы. Поэтому мы привлекли студентов с инвалидностью к проведению и разработке экскурсий. Современные музеи обычно уделяют мало внимания формированию навыков публичных выступлений у людей с инвалидностью, этике общения с разновозрастными группами. Перед собой мы поставили задачу научить участников нашей программы выступать перед публикой на РЖЯ, структурировать и излагать информацию, повысить их уровень знаний по истории развития техники в СССР и России.

Дополнительные занятия

В программе участвовали четыре студента из московских вузов, занятия проходили на площадке Политехнического музея «Россия делает сама». Курс обучения был разработан с образовательным отделом музея и, помимо занятий с преподавателями, включал в себя обширный блок самостоятельной работы. Занятия проводились один раз в неделю, чтобы было время самостоятельно проработать и закрепить учебный материал. С октября по декабрь 2019 года мы провели семь мастер-классов, включающих в себя лекционные и практические занятия в экспозиции.

Основной упор в обучении был сделан на психологическую подготовку: коммуникацию, уверенность в себе, умение подавать информацию. Но одновременно студентам преподавали основы знания развития науки (необходимый элемент знаний для экскурсоводов Политехнического музея) и лингвистической системы РЖЯ.

В программу обучения входили мастер-классы приглашённых специалистов. Так, актёр и кинорежиссёр Алексей Знаменский провёл курс занятий по изучению основ актёрского мастерства: восприятие, сценическое внимание, осво-

бождение мышц, воображение, взаимодействие и импровизация. В ходе курса учащиеся развивали творческое и креативное мышление, работали с различными психологическими проблемами, например, со страхом и смущением, избавлялись от психофизических барьеров. Сценарист, драматург, журналист Полина Синева провела мастер-классы по изучению основ сторителлинга. Работа с информацией и навыки структурирования очень важны для вовлечения аудитории и разработки доступных экскурсий. Благодаря мастер-классам ученики освоили основные виды сторителлинга (классический, активный, цифровой), поэкспериментировали с включением в структуру повествования визуальных образов и эффектов, научились учитывать культурный, исторический, политический контекст при работе с разной аудиторией.

Выпускной экзамен

В конце курса каждый студент разработал и представил экзаменационной комиссии, в которую вошли эксперты и представители общественных организаций, свою индивидуальную экскурсию по экспозиции «Россия делает сама». Ограничений по теме и форме экскурсий не было, поэтому каждый будущий экскурсовод смог разработать оптимальную экскурсию, исходя из своего уровня знаний и профессиональных интересов.

В дальнейшем Политехнический музей планирует развивать и продолжать обучение на данном курсе, учитывая рекомендации экзаменационной комиссии и запросы самих учащихся. Мы планируем сформировать команду экскурсоводов, которая будет состоять из глухих и слабослышащих экскурсоводов на РЖЯ. Они войдут в команду музея после его открытия и смогут самостоятельно или в тандеме с переводчиком РЖЯ (при смешанных группах посетителей) максимально комфортно для аудитории предоставить экскурсионный материал и стать проводниками миссии и ценностей Политехнического музея.

Участник курса занятий по подготовке глухих экскурсоводов Антон Кирсанов во время презентации авторской экскурсии на экспозиции «Россия делает сама» (ВДНХ)

Как мы взяли на работу девять человек с инвалидностью

Вера Шенгелия,
заместитель генерального директора по работе
с посетителями Политехнического музея

Политехнический музей в Москве стал одним из первых российских учреждений культуры, запустивших программу инклюзивного, то есть поддерживаемого, трудоустройства. Уже в течение года у нас работают восемь человек с инвалидностью, ещё с одним сотрудником с инвалидностью нам пришлось со временем расстаться.

Мы исходим из понимания, что ограничения, с которыми сталкиваются люди с инвалидностью, обусловлены не их неспособностью что-либо делать, а с неспособностью окружающего общества создать им для этого благоприятные условия. Именно поэтому в основе нашей программы по инклюзивному трудоустройству лежит стремление создать такие условия, при которых проблемы со здоровьем не будут препятствовать выполнению подходящей и интересной для каждого работы.

Мы понимали, что инклюзивное трудоустройство требует от работодателя дополнительных усилий и даже материальных вложений. Для сотрудника с инвалидностью может потребоваться реорганизация рабочего места. Скорее всего, нужно будет подобрать или адаптировать рабочие задачи с учётом его возможностей. Сотруднику с инвалидностью часто нужно специальное обучение и почти всегда — кураторская поддержка в процессе работы. Нередко ему нужна не только физическая, но и психологическая помощь.

Мы знали это в теории, но только в процессе поняли, насколько важно хорошо подготовиться и продумать всё до мелочей.

Процесс подготовки

Первой из сотрудников с инвалидностью в Политехе стала Эвелина Матвеева — она работает оператором нашего call-центра. Эвелина передвигается на инвалидной коляске. Считается, что «колясочники» — самые затратные для

работодателя сотрудники с инвалидностью. Ведь их трудоустройство требует наибольших финансовых вложений: нужно проверить и при необходимости переделать ширину дверных проёмов, оборудовать удобными скатами лестницы, проверить, чтобы всё необходимое находилось на соответствующей высоте. Но при этом они и самые «простые»: из всех людей с инвалидностью именно у них чаще бывает образование и высокий уровень восприимчивости, наиболее развиты социальные навыки. Их проще учить и с ними проще выстраивать отношения. Мы оборудовали для Эвелины рабочее место, проверили весь путь от парковки до «кабинета». А уже после своего трудоустройства Эвелина помогла нам улучшить и наше выставочное пространство. Например, она заметила, что информационные стойки расположены высокомерно для человека на коляске, и их высоту откорректировали.

На примере Эвелины мы поняли, что трудоустройство сотрудников с физической инвалидностью требует большой подготовительной работы. Работодатель, который готов принять сотрудника с потерей зрения либо слуха или человека, передвигающегося на коляске, должен серьёзно переформатировать пространство своего офиса. Оно должно быть оборудовано таблицами Брайля или звуковыми точками, в которых дублируется вся письменная информация учреждения, а логика помещения должна быть понятна и безопасна для слепого или глухого человека. Зато после начала работы они меньше нуждаются во внимании и особом отношении, чем, например, люди с ментальной инвалидностью, трудоустройство которых не влечёт почти никаких финансовых затрат.

Антон Лисеев, сотрудник Лаборатории Биологии Политехнического музея

Совместная работа

Сотрудники с ментальной инвалидностью требуют очень бережного и аккуратного отношения в коммуникации. Вместе с нашими новыми гардеробщицами Еленой и Татьяной мы учились взаимодействию и правильной организации комфортного для всех рабочего процесса. Мы старались подбирать доступные задачи, помогать их выполнять и только потом, постепенно, давать более сложные задания. Сопровождающие должны быть доступны для своих подопечных: для консультации по работе, психологической помощи, решения неожиданных бытовых трудностей и т.д.

Людям с ментальной инвалидностью часто не хватает базовых представлений о работе: большинство из них никогда раньше не работали, они долго и сложно разбираются в сути, смысле и многочисленных аспектах рабочих отношений. Например, два молодых человека из интерната Алексей и Сергей после устройства в мастерские Политеха никак не могли научиться следовать рабочему графику, их обеденный перерыв растягивался на много часов. Это, разумеется, ерунда, с которой куратор справился довольно быстро и легко. Но у людей с ментальной инвалидностью, особенно у тех, кто на протяжении долгого времени жил в интернатах, могут возникнуть гораздо более серьёзные проблемы — связанные с их длительной социальной изоляцией и депривацией.

Бывший сотрудник гардероба Андрей (имя изменено) проработал в Политехе всего несколько месяцев. Он передвигается на коляске и живёт в ПНИ. И если физические сложности были сразу и довольно просто решены — для него пропилили специальный вход в стойке гардероба и перевесили крючки так, чтобы он самостоятельно мог снимать и вешать одежду, то с психологическими трудностями так и не удалось справиться. Андрей совсем не справлялся с работой и по большому счёту вообще не понимал, что значат рабочие обязательства. Он просто забывал, что находится на работе, а в какой-то день мог не прийти вовсе. Это был очень сложный момент — мы пробовали обсуждать с Андреем происходящее, но он не шёл на контакт, и нам пришлось с ним расстаться.

Мы считаем это самым грустным опытом в годовой истории нашей программы инклюзивного трудоустройства и по-настоящему переживаем, что так вышло. Но это не единственный наш просчёт: спустя год стало понятно, что мы выбрали не самое удачное время для запуска программы. Музей находится в процессе переезда и реставрации здания. Кураторы не смогли уделять своим новым сотрудникам достаточно времени, а в какой-то момент вообще оказались территориально оторваны от них — часть команды переехала в новое здание, а часть осталась на прежнем месте. Тем не менее мы считаем, что многое нам удалось, и надеемся, что в будущем сможем учесть все свои ошибки.

Сотрудница Политеха Эвелина Матвеева

Зачем нам переводчик русского жестового языка и как провести экскурсию для глухих и слабослышащих

Наташа Нестерова,
координатор инклюзивных программ

В рамках проекта «Разные люди — новый музей» мы запустили серию смешанных экскурсий для глухих, слабослышащих и кохлеарно имплантированных школьников с 5-го по 9-й класс. Мы пригласили участвовать в проекте четыре коррекционные школы (I и II вида) и благотворительный фонд «Мелодия жизни», который поддерживает детей и их родителей после кохлеарной имплантации. Суть нашего проекта состоит не только в том, чтобы сделать экскурсии музея доступными для всех, но и в том, чтобы вовлечь людей с инвалидностью в процесс работы над самим проектом, выстроить правильную и тактичную коммуникацию с аудиторией. Так, один из членов Совета по доступности Политехнического музея Виктория Салий-Берлизова участвовала в проекте как экскурсовод, а наши юные посетители с инвалидностью (более 75 школьников) после экскурсии заполняли специальные анкеты и помогли нам понять, на что обратить особое внимание.

Итак, почему мы решили запустить серию смешанных экскурсий? Зачем переводчик РЖЯ в музее, если есть глухой гид? Как вообще проводятся смешанные экскурсии?

Языковая разница

Глухие, слабослышащие и кохлеарно имплантированные школьники — очень разные категории посетителей, с разными потребностями. В некоторых школах такие дети даже обучаются по разным программам: глухие и слабослышащие учатся отдельно, а школьники с кохлеарным имплантом обучаются зачастую либо со слабослышащими детьми, либо в обычных школах. Перед музеем встает вопрос, как провести смешанную экскурсию, чтобы детям с разной потерей слуха было комфортно и интересно? Важно учитывать, что до сих пор нет единого методического пособия по проведению смешанных экскурсий, поэтому

мы могли рассчитывать только на свой опыт и интуицию. Так, в работе с глухими детьми важно знать, что такие дети совсем не воспринимают обращенную к ним речь на слух. Некоторые умеют читать по губам, но чтение с губ позволяет лишь частично понять смысл сказанного. При этом глухие дети часто разговаривают голосом или могут произнести небольшое количество слов, сильно искажая звуки, но почти всегда они свободно владеют РЖЯ.

Слабослышащие дети частично воспринимают речь на слух, читают по губам, свободно разговаривают с небольшим искажением звуков, но менее свободно владеют РЖЯ. При этом если ребенок родился в слышащей семье, ему будет комфортнее разговорная речь, а если в глухой, то в силу самоидентификации себя как глухого человека он может полностью отказаться от разговорной речи.

Ребята с кохлеарным имплантированием зачастую рождаются с сильной потерей слуха, который позже восстанавливается за счет медицинского вмешательства. Но как правило, они очень долго привыкают к слуху, и это не позволяет им естественно воспринимать речь и самостоятельно овладевать ею. То есть такие дети частично воспринимают обращенную речь на слух, но не сразу могут понять смысл сказанного. В работе с ними необходимо каждый раз проговаривать и закреплять сказанное. Они читают по губам, говорят с искажениями разной степени, но часто совсем не владеют РЖЯ.

Экскурсия для глухих и слабослышащих людей на площадке экспозиции «Россия делает сама» (ВДНХ)

Трудности перевода

Исходя из портрета аудитории мы пришли к необходимости проводить экскурсии в двух форматах. В первом случае экскурсию проводит глухой экскурсовод на РЖЯ, а переводчик проговаривает её голосом — такая экскурсия подходит для людей с нарушением слуха и не очень свободным владением РЖЯ. Во втором случае экскурсию ведёт слышащий экскурсовод, а переводчик пересказывает её на РЖЯ — для глухих и тех, кто свободно владеет РЖЯ.

Ключевая фигура обоих форматов — переводчик. Он значительно облегчает коммуникацию внутри смешанной аудитории, качественно переводит слышащих и глухих экскурсоводов. Зачем нам переводчик РЖЯ, если есть глухой гид, спросите вы. Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно представить экскурсионную группу глухих, слабослышащих и кохлеарно имплантированных посетителей. Глухой экскурсовод не справится — он быстро потеряет связь с теми, кто может немного слышать и различать речь, но слабо владеет жестовым языком. Слышащему экскурсоводу без профессиональной подготовки будет очень сложно работать со слабослышащей аудиторией.

По сути переводчик — посредник между двумя культурами, он значительно упрощает коммуникацию внутри аудитории. Он обязан разбираться в культуре глухих, слабослышащих и кохлеарно имплантированных, обязан знать все особенности развития и обучения таких детей, чтобы не потерять их внимание во время экскурсии. Также при выборе переводчика важно учитывать его опыт работы: кандидат, который переводил судебные процессы, вряд ли сможет сразу приступить к работе в музее — в первую очередь из-за отсутствия навыков работы с аудиторией. Так что переводчик — совершенно незаменимый участник экскурсионного процесса, а выбор основного экскурсовода всегда за самим посетителем. Для нас это принципиально важный момент в диалоге музея и его гостя.

Экскурсия для глухих и слабослышащих людей на площадке экспозиции «Россия делает сама» (ВДНХ)

Почему модерировать экскурсию о доступности должен человек на инвалидной коляске

Катрин Ненашева,
специалист по вовлечению

Публичная программа проекта «Разные люди — новый музей» включает в себя дискуссии, мини-конференции, а также манифест, написанный участниками Совета по доступности — первого сообщества людей с инвалидностью при музее, которое адаптирует музейные сервисы и участвует в составлении публичной программы проекта. «Инклюзия — это культура партнёрства, а не предоставление услуг, — говорится в манифесте, — создавать и обсуждать вместе с нами — не страшно».

Говоря об инклюзии, доступной среде, правах и возможностях людей с ментальными особенностями, мы руководствовались принципом «Ничего для нас без нас» — основным в понимании социальной модели инвалидности. Почему важно, чтобы сами люди с инвалидностью участвовали и модерировали публичные дискуссии об инклюзии, которые устраивает культурная институция? Всё очень просто. Мы вряд ли получим интересный и полезный разговор о современных достижениях науки, не позвав учёных. Мы вряд ли сможем создать пространство для диалога, если не позовем на дискуссию, например, об испанской культуре представителей этой культуры.

Дирекция Политехнического музея считает, что одна из задач культурной институции — создание пространства для диалога и поиск языка для коммуникации между самыми разными людьми. Для современного музея важен любой жизненный опыт, ведь выставку или мероприятие посетитель пропускает через призму именно своих переживаний, своей субъективной экспертизы в тех или иных вопросах, своего прошлого и настоящего. В этой ценности кроется наше понимание инклюзии и партиципаторного подхода — мы хотим дать пространство для высказывания разным посетителям не потому, что кто-то из них кажется нам изолированным, а потому что мы убеждены — для жизни и развития музея науки важен вклад жизненного опыта разных посетителей.

Доступная среда в России стала развиваться не так давно, по-прежнему во многие учреждения, и не только в сфере культуры, не так просто попасть на инвалидной коляске. В России люди с инвалидностью постоянно сталкиваются с огромным количеством препятствий. В российском контексте принцип «Ничего для нас без нас», родившийся во времена забастовок во Франции, приобретает особый смысл: живя в пространстве недоступности и постоянно преодолевая различные бытовые трудности, почти каждый человек с инвалидностью обладает большим опытом передвижения в не самой благоприятной среде. Именно поэтому разговор о доступности при активном участии человека с инвалидностью кажется нам в какой-то степени неизбежным.

В рамках программы «Разные люди — новый музей» Политех организовывал дискуссию на тему доступной среды. Мы хотели собрать вместе представителей инклюзивных отделов разных организаций и обсудить, с какими трудностями приходится сталкиваться при создании доступной среды, какие отличия есть при проектировании доступности между старыми и новыми зданиями и что важно учесть при этом проектировании.

Модератором дискуссии стала журналистка Евгения Воскобойникова, передвигающаяся на инвалидной коляске. Для разговора мы также пригласили художницу и активистку Алёну Лёвину, которая посещает музеи, галереи и бары и пишет отзывы об их доступности в социальных сетях. Участие девушек, передвигающихся на инвалидном кресле, помогло сформулировать важные проблемы для представителей институций и поднять насущные вопросы. Например, прямо перед дискуссией одна из участниц на инвалидном кресле долго простояла перед дверями музея — персонал не догадался, что ей нужно помочь войти.

Участие в дискуссии представителей учреждений и посетительниц, передвигающихся на инвалидных колясках, привели к удивительному результату: обсудив проблемы в одном из музеев, участники договорились о дальнейшем сотрудничестве. Ведь чтобы начать работать вместе, людям иногда нужно просто встретиться. Одна из задач современного музея, на наш взгляд, — создавать пространство и условия для знакомств и совместных проектов разных людей.

Дискуссия Политеха о методах вовлечения в культурные проекты, библиотека Шанинки

Дискуссия Политеха «Новый музей — старое пространство» в МАММ

Член Совета по доступности Елена Леонтьева на своей лекции «От доступной среды к универсальному дизайну», организованной Политехом

Участники конференции «Экспериментальные практики в работе с людьми с ментальными особенностями», организованной Политехом

Нам показалось важным спросить самих людей с инвалидностью о том, почему дискуссия о доступной среде должен модерировать человек с инвалидностью. На наши вопросы ответила кураторка и художница Алёна Лёвина.

Как культурную институцию характеризует то, что она приглашает к публичному разговору об инклюзии человека с инвалидностью?

Когда культурная институция включает в свой публичный разговор человека с инвалидностью, дискуссия приобретает реальный опыт переживания от первого лица, опыт без надстроек, и это помогает избежать абстрактных выводов людей, которые не имеют отношения к инвалидности. Такой диалог улучшает качество самой дискуссии: вне зависимости от того, является ли человек с инвалидностью каким-то особым экспертом, при грамотной модерации и чёткой постановке вопроса, человек с инвалидностью сможет перенести свой опыт даже в воображаемую ситуацию.

Если же по каким-то причинам институция не включает в разговор об инклюзии человека с инвалидностью, а делает так, как ей хочется и удобно в своём понимании инклюзивного пространства, то она, скорее всего, черпает информацию из зарубежных источников, но большинство гайдлайнов по доступной среде написаны именно в сотрудничестве с людьми с инвалидностью.

Как бы ты объяснила, почему всё-таки важно включать в разговор об инклюзии людей с инвалидностью?

Наше общество — не закрытый мир, а социум, в котором существуют разные люди. В конце концов, право на участие и высказывание — это конституционное право каждого.

Как культурной институции в первый раз организовать публичное мероприятие с участием человека с инвалидностью?

Мы составили простой мини-гайдлайн, который поможет сделать первые шаги.

- 1 Обсудите в команде, какая именно роль может быть у человека с инвалидностью в вашем мероприятии. Вы зовёте его как полноправного участника или как модератора дискуссии? Как эксперта или как гостя? А, может, вы пока не решили и хотите обсудить эту роль с самим человеком? Прямое коллективное обсуждение всегда работает лучше.
- 2 Продумайте заранее сценарий мероприятия и обязательно обсудите его с человеком с инвалидностью, которого вы планируете привлечь. Сценарий также можно придумать вместе.
- 3 На самом мероприятии важно соблюдать баланс: возможно, спикеру с инвалидностью будет дискомфортно, если он окажется единственным человеком с инвалидностью. Однако все случаи индивидуальны — обсудите и этот вопрос заранее, чтобы создать условия, которые подходят каждому конкретному участнику.
- 4 И самое главное: как найти для дискуссии или любого другого сотрудничества человека с инвалидностью? Вариантов несколько: — обратиться в тематические НКО; — обратиться в тематические группы в социальных сетях; — объявить open call в соцсетях учреждения с призывом к сотрудничеству и предложением участия.

Взаимодействие с людьми с инвалидностью и создание пространства для диалога — вопрос стратегии и общей концепции музея. Прежде чем обращаться с предложением о сотрудничестве к людям с инвалидностью, обсудите в вашей команде, какие задачи поможет решить такое сотрудничество, и самое главное — планируется ли продолжительное сотрудничество или это разовая инициатива. Ответы на эти вопросы помогут лучше подготовиться к работе с новыми партнёрами и понять, в какую сторону двигаться дальше.

Манифест Совета по доступности Политеха

За последнее десятилетие в обществе и медиа сложился стереотипный портрет людей с инвалидностью: если у человека есть какие-то дополнительные потребности, его принято воспринимать через призму героя, безуданно борющегося за доступность окружающей среды. Или через призму вечно страдающего и мученика, который каждый день вынужден преодолевать ворох трудностей.

На людей с инвалидностью всё время надевают маски, в то время как мы — разные. И разным нам важно быть напрямую включёнными в развитие актуальной культуры: не чтобы нам предоставляли доступ к культуре и науке, а мы самостоятельно участвовали в непосредственной организации этого доступа. Человеку с особыми потребностями не нужно стелить красную дорожку в музей — ему просто нужно в этот музей войти. Когда человек с инвалидностью придёт в музей, он не рассыпется там на кусочки. Когда человек с инвалидностью придёт в музей, он ненароком не разрушит всё на своем пути.

Вы спросите — зачем человеку с инвалидностью ходить в музей? За тем же самым, за чем и другим людям — за новыми знаниями и новым опытом. Когда человек изолирован, он испытывает постоянную тревогу. Эта тревога может привести к депрессии. Когда человек изолирован, он не получает возможности развиваться. У людей с особыми потребностями практически не остается возможностей для саморазвития — повседневные трудности во взаимодействии с городской средой, усложнённый доступ к медицине, труду — всё это не позволяет жить в настоящем. Не позволяет жить в реальной жизни.

- Да — образу человека, какими бы ни были его потребности.
- Да — прямому включению разных людей в актуальную культуру.
- Да — встречам с друзьями и свиданиям в музеях.

Инклюзия — это
взаимонаправленное
движение. Инклюзия —
это не когда общество
включает в себя людей
с инвалидностью, как будто
люди с инвалидностью
не часть общества.
Инклюзия — это культура
партнёрства, а не
предоставление услуг.
Говорить, создавать,
обсуждать вместе с нами —
не страшно.

Как мы собирали «Истории, которых не было», и что из этого вышло

Полина Чубарь,
менеджер по пользовательскому опыту

Когда я пришла в Политех, общие рамки проекта уже были определены, договорённости с кураторами и партнёрами установлены и даже процесс сбора историй был уже запущен. Однако никто из нашей команды в тот момент не понимал, что же мы получим в результате этого сбора, каков будет отклик, — а следовательно, и материал выставки. Предлагая людям с инвалидностью рассказать свои истории для нашего проекта, мы не просто хотели сделать невидимое видимым, нам было важно сделать так, чтобы эти люди активно включились в создание самой выставки. В нашей задумке человек с инвалидностью — не только герой этого проекта, но и автор, эксперт, консультант, тестировщик, критик и зритель. Часть наших ожиданий оправдалась, что-то реализовать не удалось и нам предстоит ещё много работать, чтобы люди с инвалидностью захотели и смогли исполнять самые разные роли в самых разных проектах.

«Истории, которых не было» — это выставочный проект, в котором люди с инвалидностью делятся своими личными рассказами о жизни в разных городах, — в основном в Москве. Нам было важно показать, что любой город — это не только улицы и дома, но в первую очередь люди, которые в этом городе живут, и их истории — об угнетении и дистанцировании или, наоборот, о привязанности, близости и доверии.

Подготовка и поиск

Для работы над проектом мы пригласили куратора Марию Сарычеву, которая привлекла в качестве сокуратора передвигающуюся на кресле-коляске фемактивистку и художницу Алёну Лёвину. Разный опыт и профессиональные взгляды двух кураторок позволили учесть интересы разных сообществ и сделать проект концептуально более сильным.

Найти героев и их истории нам удалось с помощью информационного портала «Такие дела» благотворительного фонда «Нужна помощь». На их сайте был опубликован материал, в котором мы рассказывали о проекте и приглашали всех желающих заполнить короткую анкету и присоединиться к проекту. За два месяца мы получили 13 откликов. Там же на портале вышли восемь интервью людей с разными формами инвалидности: часть героев попала к нам через эти анкеты, пятеро — члены Совета по доступности Политеха, ещё одна героиня — наша коллега. Кроме того, вместе с командой портала «Такие дела» мы создали пять видеороликов в формате совместной прогулки — как в фильме Examined Life 2008 года, где философ Джудит Батлер гуляет и беседует с передвигающейся на кресле-коляске художницей и активисткой Суанарой Тейлор. Герои наших прогулок выбирали значимые для них места и рассказывали связанные с этими локациями истории.

Двойной результат

Несмотря на относительно небольшое количество материала, который нам удалось собрать, мы решили организовывать не одну, а сразу две выставки. Во-первых, это позволило охватить большее количество людей и вовлечь разные аудитории, а во-вторых, дало возможность более подробно представить каждого героя.

Первая экспозиция открылась 12 декабря 2019 года в Ильинском сквере, в самом центре Москвы, около закрытого на реконструкцию здания Политехнического музея, и простояла там почти два месяца. В пяти витринах было представлено пять историй — о взрослении, сложностях, препятствиях и маршрутах в любимом городе. На открытии выставки кураторы вместе с героями провели перформативное шествие в сопровождении оркестра.

Вторая часть выставки открылась в Музее Москвы в марте 2020 года: прямо в фойе были расставлены стенды с двадцатью историями об опыте горожан с инвалидностью. Выставка состояла из пяти разделов, маркирующих разные взаимоотношения с городом. При этом, мне кажется, нам удалось сделать не просто две разные по наполнению выставки. Этот проект не столько помог осуществить репрезентацию невидимости, сколько способствовал выстраиванию связей, коммуникаций и взаимодействий: человека с инвалидностью и интервьюера, читателя интервью и героя, героя и сотрудника музея, героя и случайного прохожего...

Открытие первой части выставки «Истории, которых не было» в Ильинском сквере

Активное включение

При подготовке выставки мы старались придумать, как вовлечь людей с инвалидностью в процесс работы над выставкой. Нашим принципиальным решением был отказ от голосов третьих лиц — сопровождающих, преподавателей, волонтеров и попечителей. Они тоже являются частью города, но они не должны говорить за человека с инвалидностью. Поэтому для нас было важно согласовать с героями все материалы — цитаты и объекты, иллюстрирующие истории.

Консультации людей с инвалидностью понадобились нам и при техническом обеспечении проекта. Так, при разработке архитектурной концепции мы столкнулись с тем, что нам недостаточно гайдлайнов и собственного опыта, и обратились к Совету по доступности Политеха. Несколько консультаций помогли нам найти качественное и эргономичное решение по размещению тактильных экспонатов и текстов по Брайлю.

Члены совета были вовлечены в проект не только как консультанты. Например, Виктория Салий-Берлизова была героиней второй части выставки и участвовала в записи видеогuida на РЖЯ. Кстати, по инициативе команды глухих экскурсоводов «Жест в музее» мы пригласили к записи видеогuida всех глухих и слабослышащих героев, чтобы они сами произносили свой текст. А после того как Музей Москвы закрылся на карантин, вместе с Викторией мы создали онлайн-экскурсию на РЖЯ.

Мне очень хотелось включить голоса самих героев и при разработке тифлогuida (гид на основе тифлокомментариев — подробных описаний, сопровождаемых блоками навигации, для незрячих и слабовидящих посетителей). Но к сожалению, когда мы подумали о такой возможности, аудиозаписи проведённых интервью уже были стёрты.

Открытие второй части выставки «Истории, которых не было» в Музее Москвы

Подводные камни

Кроме «отчёта об успехах», полезно узнать о проблемах, которые могут возникнуть в подобных проектах. Мы столкнулись со следующими сложностями:

- 1 Небольшое количество откликов на этапе анкетирования. Мы действовали через портал «Такие дела» и социальные сети. Сейчас кажется, что этот этап нужно было сделать более продолжительным, а также провести обзвон и организовать рассылки по отдельным сообществам людей с инвалидностью, НКО и фондам.
- 2 Длинные тексты могут плохо восприниматься глухими и слабослышащими посетителями, поэтому необходимо создавать видеогиды на РЖЯ. Однако в команде, работающей над таким видео, должен быть человек, знающий РЖЯ, иначе даже многократные правки не позволят добиться хорошего результата, а испорченная репутация в сообществе глухих восстанавливается очень сложно.
- 3 Создание тифлогuida зависит от монтажа выставки, поскольку для написания навигационных блоков необходим тест с незрячим экспертом уже в осуществлённой застройке.
- 4 Сайт и приложения вашего музея должны работать с программами экранного чтения. В нашем случае для размещения тифлогuida пришлось воспользоваться проверенным приложением [izi.TRAVEL](#).
- 5 На сайте музея и в рассылке о ваших выставках и событиях важно прописывать уровень доступности архитектурной среды. Чтобы, например, человек, передвигающийся на инвалидной коляске, заранее мог вызвать охранника и не ждать на холоде под дверью, а незрячий посетитель знал, что в музее он может воспользоваться мнемосхемой и альбомом по Брайлю.
- 6 При сотрудничестве с людьми с инвалидностью всегда нужно помнить, что у них есть ряд специальных потребностей: например, нельзя назначать рабочую встречу в каком-либо месте, не подумав предварительно про его доступность. Ведь для заказа социального такси нужно время, и стоит оно гораздо дороже поездки на метро.

Мне кажется, что мы получили действительно объёмный и заранее не прогнозируемый результат. Мы сделали две разные выставки, получили ценный опыт, смогли выстроить доверительные отношения с отдельными людьми с инвалидностью и целыми сообществами. И главное — оказали реальное влияние на среду, в том числе за счёт того, что первая часть проекта была представлена в городском пространстве, и мы смогли охватить не только музейную аудиторию, но и прохожих.

Однако как нам измерить и оценить это влияние? Как могла повлиять наша выставка на случайного человека, который не бывает в музеях и сторонится людей с инвалидностью? И как наше вовлечение героя с инвалидностью в проект поменяло его представления о музеях и культурных проектах, о самом себе, о собственных ожиданиях и планах? Эти вопросы подводят нас к заключительному этапу проекта — оценке, анализу и рефлексии.

Открытие первой части выставки «Истории, которых не было» в Ильинском сквере

Как мы устроили «Хаос в хорошем смысле»

Екатерина Постникова,
менеджер проектов Департамента разработки
детских проектов

На базе дискуссионной программы Политехнического музея была создана группа общения для молодых людей с ментальными особенностями и трудностями социальной адаптации. Серия терапевтических встреч была направлена на преодоление трудностей восприятия себя и взаимодействия с окружающими — развитие навыков общения и вербальной коммуникации.

Пьеса о герое и о себе

Мы провели 14 терапевтических встреч с группой из 15 молодых людей от 18 до 30 лет с ментальными нарушениями (высокофункциональный аутизм, шизофрения, аффективные нарушения). Вели занятия кандидат медицинских наук, врач-психиатр, психотерапевт и руководитель проекта центра адаптации развития «Изумрудный город» Надежда Степунина и педагог, искусствовед, заместитель директора по содержанию и реализации образовательных программ московской специальной (коррекционной) школы No 1708 Елизавета Плевако. Надежда и Елизавета решили, что для заявленной цели лучше всего подойдёт проект, в котором все участники напишут собственную пьесу и визуализируют одну из сцен пьесы в виде рисунка-коллажа.

Один из терапевтических приёмов проекта состоит в том, что пьеса должна была показывать человека в напряжённый и иногда даже трагический момент его жизни. Герой должен был столкнуться с ситуацией, которая отражает реальные страхи автора пьесы, описывает трудную для него ситуацию и требует серьёзных навыков коммуникации. Часто участники описывали реальные случаи из своего личного опыта, ситуации, свидетелями которых были они сами или видели их в кино, телепередаче, книге. Но были и пьесы с абсурдными сюжетами, так в одной из них «на Тарантино упал самолёт, он полежал в больнице и быстро пошёл на поправку».

Тренировка общения

По мнению ведущих курса, поиск решения какой-либо проблемы в пьесе — это своеобразная тренировка навыков социального поведения. Поэтому несмотря на то, что героями пьесы становились популярные актёры, музыканты, учёные или персонажи литературных произведений и фильмов, в процессе написания пьесы участники наделяли этих героев неосознаваемыми аспектами собственной личности.

Процесс написания пьесы оказался довольно сложным для участников. Повествовательную часть истории смогли написать все, но многим не давалось конструирование диалогов. Тогда ведущие группы ввели элемент театрализации, когда автор пьесы играл своего главного героя, а другие участники брали роли остальных персонажей — так удавалось спровоцировать выдуманные действующие лица на общение и диалог.

Волонтёры проекта записывали тексты диалогов прямо во время розыгрыша сценок. Позже, уже вместе с автором, эти диалоги дорабатывали и включали в пьесы. Кстати, название проекту дала цитата из пьесы одного из участников — «Хаос в хорошем смысле».

При создании рисунков-коллажей, иллюстрирующих пьесу, ведущие курса не стремились обучить участников художественным навыкам, но предложили ребятам представить своих героев, воплотить их в рисунке, чтобы лучше «понять, почувствовать их и удержать этот постоянно уплывающий образ».

«Интересно, что когда ребята попробовали на эскизах поставить несколько героев вместе, то персонажи вдруг начали терять руки, носы, уши, глаза, — рассказывает Елизавета Плевако. — Мы столкнулись с подсознательным сопротивлением попыткам взаимодействия с социумом. Эта же проблема прослеживалась и в работе над пьесами: герои не слышали друг друга, они не обращались к окружающим, а говорили реплики в пустоту и не по теме». По окончании проекта нам удалось поставить пьесы в Театре.doc в формате playback-перформанса. Также была издана книга-зин, в которой представлены тексты пьес и рисунки участников проекта.

Презентация спектакля
и книги-зина «Хаос в хорошем
смысле» в Театре.doc

Экскурсии для незрячих людей, или где граница между сотрудником музея и волонтером

Катрин Ненашева,
специалист по вовлечению

Перед закрытием экспозиции «Россия делает сама» в 26-м павильоне ВДНХ мы разработали и провели экскурсии не только для людей с ментальными особенностями, глухих и слабослышащих детей, но и для незрячих и слабовидящих посетителей.

Незрячий экскурсовод

Разработать и провести экскурсии для незрячих людей мы пригласили Евгению Малышко — незрячего экскурсовода, члена Совета по доступности при Политехническом музее. Это решение оказалось самым правильным, так как к закрытию экспозиции у нас осталась лишь небольшая часть тактильных моделей, которые можно было бы использовать.

Евгения придумала собственную концепцию экскурсий, которая базировалась на основах биологии, физики, химии и антропологии. Это позволяло комфортно воспринимать информацию людям с разным уровнем погружённости в естественные науки. Большая часть экскурсии была разговорной, с элементами использования тактильных моделей и нескольких интерактивных звуковых инсталляций.

Изначально у нас не было контактов дружественных школ-интернатов или сообществ незрячих людей, поэтому посетителей для экскурсий мы искали разными методами: через Евгению, через группы в социальных сетях, через студенческие инициативы. В итоге нам удалось провести 10 экскурсий, на которых побывали незрячие и слабовидящие дети, подростки, студенты и взрослые.

Как построить комфортное взаимодействие между незрячими людьми и сотрудниками музея? Мы не сразу продумали все детали, поэтому на одной из первых экскурсий администратор музея рвалась поддерживать Евгению каждый раз, когда та спотыкалась. «Я же за неё переживаю, упадет, ещё и ноги

попереломает!», — хватаясь за сердце, говорила наш администратор.

Однако мы с самого начала не обсудили с Евгенией сам процесс ведения экскурсии. Мы были убеждены, что ей обязательно нужен волонтер, который время от времени будет её направлять и ориентировать. Но волонтер оказался нужен только для того, чтобы держать реквизит. «А чем я как экскурсовод отличаюсь от остальных? Вы тоже за всеми бегаете?», — спросила Евгения. В итоге на первых экскурсиях у волонтеров не было особых дел, они нервничали и крутились вокруг группы. Нам стоило на самом старте обсудить потребности незрячего экскурсовода при проведении экскурсии. Посторонняя помощь Евгении оказалась не нужна, а местами даже раздражала и злила.

Тогда я задумалась о своей профессиональной компетенции: я довольно часто работаю в волонтерских проектах, но почему именно сейчас, в музее, я снова включила «режим волонтера», забыв о том, что я в первую очередь координатор инклюзивных программ. Мы не предоставляем услугу, мы создаём принимающее пространство вместе с людьми с инвалидностью, а значит, каждую экскурсию нервничать и бояться, что с группой незрячих людей в музее что-то случится и кто-то обязательно упадёт или врежется в стену — просто непрофессионально. Все эти моменты важно обсуждать на самом старте, и самое главное, не бояться говорить о своих страхах и опасениях людям с инвалидностью. Без равного диалога не выйдет никакого равного партнёрства.

Незрячие посетители

Оказалось, что большинство незрячих людей никогда не были на ВДНХ и не всегда могли найти наш павильон. Заранее мы рассылали небольшую инструкцию, как добраться, я всегда по телефону консультировала, как лучше нас найти, иногда выходила на улицу, чтобы встретить группу.

Однажды куратор одного из вузов, незрячие студенты которого должны были приехать к нам на экскурсию, не успела с ними поехать и посадила их в такси. Ребята приехали не в то место и не понимали, куда им идти. Я искала их примерно полчаса и нашла благодаря тому, что попросила созвониться по Whatsapp и включить видео. Шёл снег с дождём, темнело, примерно в двух километрах от музея мы наконец нашли. Чтобы дойти до музея, мы выстроились друг за другом, держась за плечо соседа, и пошли гуськом. После экскурсии мы ещё долго обсуждали с ребятами, как им лучше добраться до метро, строили разные схемы.

Час, проведённый с ребятами, многому меня научил. Из-за отсутствия опыта сотрудники вуза не подумали, как лучше организовать такой поход, подвергнув ребят опасности, а нас — стрессу. Мы поняли, что нам необходимо вместе со школами и вузами выработать рекомендации по организации экскурсий для незрячих людей. Надеюсь, мы возьмёмся за это в рамках нашей программы.

ПОЛИТЕХ
РАЗНЫЕ ЛЮДИ
НОВЫЙ МУЗЕЙ